

Карл Бартц
**Трагедия абвера. Немецкая военная разведка
во Второй мировой войне. 1935-1945**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608535
Трагедия абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935–1945:
Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4702-8*

Аннотация

Оригинальная версия причин трагического финала самой мощной разведывательной службы Третьего рейха, которая неразрывно связана с личностью адмирала Вильгельма Канариса, возглавлявшего ее с 1935 по 1945 год. В книге представлена ценнейшая информация о формировании сети заговора по отстранению Гитлера от власти и ликвидации режима. Приведены уникальные свидетельства очевидцев, редкие документы и фотографии.

Содержание

Предисловие	4
Канарис – человек и его дело	5
Что происходило в службе Z? Римские переговоры	11
Полковник Остер называет дату нападения на Норвегию и наступления на западе	22
Канарис и Гейдрих	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бартц Карл

Трагедия абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935–1945

Предисловие

Работая над одной темой периода Второй мировой войны, я постоянно наталкивался на названия «абвер», «отдел Z», на имена Канарис, Остер и многие другие. Вскоре я смог установить, что за этими именами скрывается большая политическая и человеческая трагедия. Сквозь исторические факты явственно проступали человеческие слабости: заблуждения, надежды, непорядочность, угрызения совести... Предмет захватил меня. Передо мной открылось обилие возможностей докопаться до новых сведений, и тогда я решил в одном труде собрать и исследовать исторические сведения и факты об абвере.

Без предубеждения и только следуя заветам Ранке¹ отображать ход истории так, как это и было в действительности, я ограничил себя выявлением и интерпретацией исторического положения вещей. Только в этом видел я свою задачу, а не в выяснении вопроса вины или невинности той или иной личности.

Вскоре мне пришлось убедиться, что почти не сохранилось документов о причинах, которые привели к гибели абвера, самого адмирала Канариса и многих его сотрудников. Отдельные немногочисленные фрагменты не дают исторически однозначных объяснений. Общеизвестно, что протоколы допросов до последнего времени находились в руках американцев. Ими и до сих пор нельзя пользоваться. Точно так же выяснилось, что содержание обширной литературы о Канарисе и абвере не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

За два года я встретился со всеми доступными мне свидетелями трагедии, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали. Свидетельства каждого из опрошенных я критически сопоставлял и анализировал. Если некоторые из моих доверителей обозначены только инициалами, то это сделано либо по законному желанию опрашиваемого, либо вследствие соблюдения обычного человеческого такта.

Я не претендую на то, чтобы мое описание явилось истиной в последней инстанции. Но я верю, что мне удалось набросать реальную картину, которая отличается от прежних мифических историй. Сегодня любой желающий имеет возможность проверить мой отчет, поскольку еще живы люди, причастные к этой трагедии. И даже те разделы или главы, которые могут показаться сконструированными из диалогов, возникли на основе тщательного опроса очевидцев.

Задача заключалась в том, чтобы написать историю абвера, но я исследовал причины и процессы, приведшие к падению окружения Канариса, подчинению большей части абвера Главному управлению имперской безопасности и осуждению множества высокопоставленных офицеров службы.

¹ Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк.

Канарис – человек и его дело

Кто же был тот человек, который к началу войны возглавлял огромную службу германской военной разведки и контрразведки? Как она была выстроена и кто были сотрудники адмирала Канариса? Отчего перестал существовать абвер?

Сорокасемилетний Вильгельм Канарис, родившийся в Аплербеке под Дортмундом, был уже пенсионного возраста, когда в 1934 году его вызвали в Берлин и в январе 1935 года назначили главой германской военной разведки и контрразведки – абвера.

Он сделал обычную карьеру морского офицера, когда его перевели комендантом крепости в Свинемюнде. Этот не слишком завидный пост обычно расценивался как последний этап перед выходом на пенсию.

В Первую мировую войну Канарис в чине обер-лейтенанта служил на крейсере «Дрезден» и с командой был интернирован в Чили, где пленных содержали не слишком строго. В конце 1915 года он, владевший испанским языком, бежал в Аргентину и по фальшивому чилийскому паспорту выехал в Голландию, а оттуда – в Германию. Годом позже он объявился в Мадриде (с подводной лодки его высадили на испанском побережье). Там он должен был собирать информацию экономического характера для германского военно-морского атташе.

Его биографы рассказывают о таинственном бегстве из Испании через юг Франции в сопровождении священника. На итальянской территории оба были арестованы и ожидали смертной казни. Однако влиятельные друзья спасли их. Тогда, преодолевая новые серьезные опасности, Канарис на судне снова прибывает в Испанию. Этот авантурный побег документально не подтвержден. Зато известно, что Канарис после выполнения своей миссии на подводной лодке ушел из Испании (то ли из Картахены, то ли из Виго) в Германию.

После войны он был принят в рейхсвер и во время беспорядков познакомился с такими путчистами и командирами добровольческого корпуса, как капитан Эрхардт и майор Пабст, с которыми впоследствии на протяжении всей жизни поддерживал тесные дружеские отношения. Правда, однажды он внезапно отказал в поддержке Пабсту.

Благодаря протекции первого военного министра Носке Канарис воевал против Веймарской республики, на службе которой он находился, на стороне Каппа и бригады Эрхардта.

Удивительным образом этот прыжок в сторону не привел его к увольнению со службы. В 1920 году его перевели в Киль, где он прослужил до 1922 года. Затем его назначили 1-м офицером на «Берлин», учебный крейсер для морских кадетов. На крейсере он познакомился и с тогдашним морским кадетом Гейдрихом.

Годом позже Канарис получил чин капитана 3-го ранга и продолжал обычную карьеру военно-морского офицера. Как и все офицеры, он совершал многочисленные заграничные походы и в это время ознакомился со многими восточноазиатскими и японскими портами.

В 1924 году мы видим его сотрудником штаба командования военно-морских сил в Берлине. Отсюда он частенько выезжал в Испанию.

Через четыре года, в июне 1928 года, Канарис – 1-й офицер старого линкора «Шлезвиг».

Еще четыре года спустя Канарис принял командование над «Шлезвигом», затем в период с октября 1930-го по 1932 год он возглавлял штаб гарнизона военно-морской базы на Северном море. Когда в 1932 году Канарис стал командиром «Шлезвига», его корабль посетил Гитлер. Увеличенная фотография, снятая во время этого визита, позднее висела в доме Канариса в Берлине. В чине капитана 1-го ранга Канарис в 1934 году был назначен комендантом крепости в Свинемюнде и, казалось, пристал уже, наконец, к тихой гавани уходящего на пенсию военного, когда прежний руководитель еще маленького в то время отделения раз-

ведки и контрразведки в имперском военном министерстве, капитан 1-го ранга К. Патциг, неожиданно рекомендовал его в качестве своего преемника. Редер одобрил выбор Патцига, и 1 января 1935 года Канарис стал шефом абвера. С его приходом скромный абвер очень быстро разросся до огромных размеров.

С того момента, как Гитлер пришел к власти, отпали все финансовые ограничения. Гитлер видел в абвере важный инструмент. И поскольку он благоволил к Канарису, новый шеф мог хозяйствовать, не зная ни в чем отказа.

Когда ушел Бломберг², военное министерство было расформировано, затем создано главное командование под руководством Кейтеля, и Канарис со своим абвером стал подчиняться напрямую лишь Кейтелю и самому Гитлеру, более никому. При этом, как старший по званию начальник в ОКВ³, он был даже заместителем Кейтеля. Это было внушительным сосредоточением власти в руках одного человека, который, кроме того, был прекрасно информирован – как никто другой. Канарис собирал всю информацию, достойную внимания; по своему характеру он был удивительно любознательным человеком, и мало что ускользало из его видимости.

С 1938 года отделение военной разведки и контрразведки стало называться служебной группой абвера. Позднее, в 1939 году, ее огромный аппарат был переименован в заграничную службу абвера. На улице Тирпицштрассе гигант поглощал одно частное здание за другим.

В 1938 году служебная группа абвера была разделена на пять крупных отделов, которые сохранились до конца существования организации.

I отдел был сосредоточением заграничного шпионажа и включал службу сбора и рассылки секретной информации. Этой важной рабочей сферой руководил сначала полковник Пикенброк, а позднее полковник Хансен. Отдел подразделялся на группы: армия – IА; ВМС – IВ; ВМС – IМ; техника – IТ; экономика – IW; секретная служба (фотография, паспорта, симпатические и спецчернила и т. п.) – IG; радиослужба – II. Отдел добывал сведения, которые затем передавал для анализа, – правда, нередко с собственной оценкой, – отделением генштаба по армии, военно-морским силам, люфтваффе. Штаб оперативного руководства вермахта под руководством генерал-полковника Йодля также получал информацию через III и заграничный отдел.

II отдел – диверсионный центр. Здесь представители недовольных меньшинств и немцы, проживающие за границей, готовились для последующего применения. Задачи агентов этого отдела были сложными и очень опасными. Саботаж в странах противника, диверсии на судах, самолетах, в промышленности, подрывы мостов и т. п. В компетенцию этого отдела также входили «мятежи» и работа с национальными меньшинствами в странах противника. Отделу подчинялась позднее сформированная дивизия «Бранденбург». Она была создана в 1939 году под кодовым наименованием «Строительно-учебная рота «Бранденбург». Вскоре рота достигла численности полка, а в 1942 году была развернута до дивизии.

В начале 1940 года по одному батальону от этой части дислоцировалось в Бранденбурге, неподалеку от Вены, и в Дюрене, в земле Рейнланд. В дивизию в основном входили фольксдойчи или иностранцы, в большинстве своем – ярые националисты. Их задача состояла в том, чтобы в обмундировании армии соответствующей страны выбрасываться на парашютах над указанными целями и взрывами объектов и тому подобными акциями сеять панику и неразбериху в рядах противника. Они были прообразом будущих английских и американских «командос».

² **Бломберг** Вернер фон (1878–1946) – в 1933–1935 гг. – министр рейхсвера, в 1935–1938 гг. – военный министр и главнокомандующий. В 1938 г. уволен в отставку.

³ ОКВ – Главное командование вермахта.

Начальником II отдела и приданных ему частей до 1939 года был майор Гросскурт, затем, до 1943 года – полковник Лахоузен, а с лета 1943 года – полковник фон Фрейтаг-Лорингховен.

III отдел: его задачей была борьба со шпионажем. Отдел подразделялся по направлениям: армия – ИИ; люфтваффе – ИЛ; ВМС – ИМ; экономика – ИИWi. К ним примыкал еще один подотдел, о котором говорили, будто его включение в III отдел было организационной ошибкой. Этот подотдел ИИF под командованием капитана Протце занимался переброской за границу агентов, которые должны были там внедриться в разведслужбы противника.

Служба контршпионажа работала в тесном сотрудничестве с Главным управлением имперской безопасности, поскольку не абвер, а полиция обладала компетенцией исполнительной власти по уголовно наказуемым деяниям.

Германский вермахт никогда не наделялся правами для проведения мероприятий, необходимых для предотвращения диверсий и шпионажа против вооруженных сил рейха. Соглашение прусского военного министра и министра внутренних дел от 1869 года определяло, что полиция должна бороться со шпионажем противника. Тайная государственная полиция⁴ ссылаясь на это положение, и абвер был согласен с этим, поскольку многие призванные из запаса офицеры абвера после продолжительной гражданской жизни могли лучше входить в курс дела благодаря накопленному опыту государственной тайной полиции. Напротив, секретная служба сбора донесений была и оставалась делом абвера.

Заграничный отдел: этот отдел, который позднее вырос до служебной группы, был центральным ведомством германских военных атташе за границей. В него стекались все доклады и сведения от военных дипломатов. Отсюда они шли дальше Верховному главнокомандованию вермахта (Кейтель), в штаб оперативного руководства вермахтом (Йодль), а также в министерство иностранных дел. Этот отдел возглавлял контр-адмирал Бюркнер, который был заместителем Канариса.

Центральный отдел под обозначением «Отдел Z»: эта служба первоначально ограничивалась чисто административными задачами. Но благодаря энергичному, цепкому характеру его начальника, впоследствии генерала, Остера он вырос до важнейшего ведомства абвера, которое, как подводная скала, впоследствии потопило весь абвер.

Однако прежде, чем Остер стал руководителем отдела Z, ему в отделе IIIc было поручено руководить группой или сектором абвера в органах власти. Поэтому у него сохранились отличные отношения с руководителями госучреждений.

Когда был задуман центр управления, отдел Z поначалу возглавлял огромный аппарат абвера. Ему подчинялись бухгалтерия, агентурная картотека, правовой, паспортный отделы. Но Остер расширил свои полномочия для достижения собственных целей. Он подчинил себе связи с НСДАП, через графа Хельдорфа, и с Главным управлением имперской безопасности, через директора уголовной полиции Небе, который руководил там V отделом (имперская уголовная полиция).

Остер сохранил и все связи с гражданскими учреждениями. В его службу поступали все входящие отчеты и донесения, которые сортировались в центральном отделе и далее препровождались в соответствующие отделения. Что это означало, мы еще увидим.

Над всем этим аппаратом с четырьмястами офицерами и десятками тысяч агентов вышлся адмирал Канарис, «маленький грек» (он был ростом не более метра шестидесяти), уже давно седовласый, с обветренным лицом моряка, с водянисто-голубыми, слегка навывкате глазами под кустистыми бровями. У «маленького грека» в жилах не текло ни капли греческой крови, зато он был ломбардцем.

⁴ Гестапо.

Голос у него был тихий; но он мог становиться весьма саркастическим. Его любовь к животным, в особенности к собакам, была настолько велика, что многим казалась гипертрофированной. Его считали доброжелательным человеком и противником насилия. Но так было только до тех пор, пока не затрагивались его интересы или лично он сам. Тогда Канарис превращался в холодного врага-ненавистника, всегда находившего пути, чтобы любыми средствами расправиться с неудобным, и даже не брезговал использовать для этого гестапо. Он старался избегать каких-либо скандалов и делал все от него зависящее, чтобы их притушить.

Среди своего окружения Канарис слыл человеком непроницаемым и трудноуловимым. Он любил отвечать на вопрос вопросом и сотни раз проявлял свою находчивость в сложных ситуациях.

Ну а что можно сказать теперь об отношении адмирала к партии и к Гитлеру? В начале существования режима Канарис не имел ничего против национал-социализма и его вождя. Он был немецким националистом, и в Гитлере видел человека, способного сделать Германию свободной. Канарис был удовлетворен тем, что Гитлер устранил с его пути все препятствия, мешавшие безграничному развертыванию абвера. Гитлер сам был очень высокого мнения о Канарисе. Но с годами Канарису все больше претило насилие, исходящее от тоталитарного государства; он осуждал его. При этом его неприятие концентрировалось на личности Гимmlера, который – что примечательно! – не имел о том никакого представления и, ничего не подозревая, был расположен к адмиралу вплоть до самых последних месяцев существования абвера. Однако многое из того, что адмирал в своем окружении высказывал о «черных», подразумевая СС, скорее было желанием Канариса сказать острое словцо, нежели действительно выражало его подлинную антипатию.

Окружение Канариса подтверждало, что он делал все, чтобы поддерживать хорошие отношения с СС.

Доктор Бест, который, как представитель Главного управления имперской безопасности, часто обсуждал с Канарисом разграничение компетенций обеих служб, сказал о нем: «В серьезных вопросах – хотя между нами и возникали сложнейшие столкновения интересов – я не встречал другого такого партнера по переговорам, который действовал бы столь же открыто и искренно и держал свои обещания, как Канарис».

Политика адмирала, по выражению одного человека из его окружения, заключалась в следующем: «Одновременно сидеть на всех стульях. Дружить с каждым. Танцевать на всех свадьбах сразу. Успевать повсюду».

Когда Канарис, самый информированный человек в Германии, еще задолго до начала войны, понял, что Третий рейх скатывается к войне и тем самым к своей гибели, он стал подыскивать себе новый стул. Канарис был миролюбивым человеком и опасался войны, поскольку предвидел, что Германия в ней погибнет.

Но при всем этом он верой и правдой служил Гитлеру и наводнил мир своими агентами. Канариса не останавливало нарушение международного права. Так, в его распоряжении находилась эскадрилья разведывательных самолетов под командованием капитана Ровеля, которая начала действовать в 1936 году. Его самолеты на большой высоте (до 12 000 метров) облетали многие страны и фотографировали укрепления, портовые сооружения, промышленные предприятия, аэродромы и многое другое, что могло заинтересовать военную секретную службу.

Перед началом войны, чтобы лучше вести разведку на Востоке, он разместил несколько таких самолетов в Будапеште.

Адмирал не являлся знатоком человеческих душ; он был падок на лесть. Нередко он предъявлял к своим офицерам чрезмерные требования, которые повергали их в тяжелые нравственные переживания. Организаторские способности Канариса оценивались его окру-

жением не очень высоко; точно так же он был мало приспособлен к руководству личностями особого склада, офицерским корпусом. Благоклонностью пользовались льстецы и карьеристы. Многие из его сотрудников знали об этом и в поисках своей выгоды неприкрыто и откровенно льстили. Так, один доживший до наших дней сотрудник кормил хлебными крошками птиц на подоконнике своего кабинета и держал пуделя, чтобы только засвидетельствовать перед шефом свою любовь к животным. Когда Канарис однажды вошел в комнату этого господина, то ревностный любитель животных не упустил возможности, чтобы обратить внимание оживившегося адмирала на толчею пировавших за окном пернатых.

Вскоре сфера деятельности адмирала превратилась в арену интриг. Все злословили друг о друге, и каждый находил в Канарисе внимательного слушателя. Неудивительно, что и без того уже далеко не сплоченный офицерский корпус вскоре стали раздирать личные обиды, и открытая и тайная вражда разделила всех на враждующие группы и группки. Господствовало ощущение, что не существует единой четкой линии и что благоклонности шефа можно добиться не профессиональными достижениями, а интригами. В результате развился фаворитизм, при котором адмирал предпочитал никчемных льстецов. Оттого и в самом абвере сильно бранили Канариса, и вообще нельзя было сказать, что он являлся для всех любимым начальником. Заграничная служба абвера под руководством контр-адмирала Бюркнера вообще занимала враждебную к нему позицию. Канарис не прикрывал своих офицеров. В управлении личного состава сухопутных войск он никогда не протезировал отдельным офицерам для повышения в чине или получения заслуженных наград. Хотя и тут он все-таки предпочитал морских офицеров.

Многие годы отношение Канариса к Гитлеру было весьма лояльным. Но между ними стоял Кейтель; он являлся своеобразным фильтром, который позднее передавал информацию от Канариса к Гитлеру только в дозированном виде.

Но кто же были те руководящие лица, которыми окружил себя Канарис? Начальником штаба и впоследствии руководителем центрального отдела был генерал Остер. В кругах абвера он характеризуется как тщеславный, непроницаемый, ловкий человек с моноклем, нелюбезный, холодный и необщительный. Его деланая манера говорить с сильным саксонским акцентом имела оттенок пренебрежительности. В гражданской одежде он предпочитал кричащие тона. Над его письменным столом висело многозначительное изречение: «Орел мух не ловил» (латинская пословица). По своим политическим взглядам Остер был ярким монархистом старой закваски и противником национал-социализма. В огромном аппарате абвера он завоевал для своего отдела ведущую роль.

Руководитель I отдела, полковник генштаба Пикенброк, описывается как незаурядная личность. Он был женат на дочери генерала Хассе. Жизнерадостный западный немец «был открытым человеком. Крупный и темноволосый, с редкими уже волосами, он был элегантным и светским человеком, чья тонкая ирония и широкий взгляд на жизнь оценивались всеми по достоинству».

Его преемником стал полковник генштаба Хансен. Стройный, высокий мужчина с открытым лицом. Он далеко не всегда был одного мнения с Канарисом; как друг Штауфенберга, он являлся членом Сопротивления. Но в то же время у него были настолько хорошие отношения с Главным управлением имперской безопасности, что позднее он возглавил остатки абвера, когда в 1944 году его влили в РСХА.

Во главе II отдела стоял генерал-полковник генштаба Гросскурт. Крупный блондин, в очках, он производил впечатление замкнутого человека, немного «гессенца». Он был участником движения Сопротивления, и вместе с Остером осенью 1939 года совершил поездку на фронт, чтобы прощупать готовность высших офицеров к путчу против Гитлера. Этот офицер вследствие событий, которые будут описаны позже, в конце 1939 года был переведен в Верховное главнокомандование и возглавил отдел военного дела. Здесь обрабатывалось все то,

что не полагалось рассылать по другим ведомствам. При этом особенно важным было обстоятельство, что ОКВ не могло непосредственно отдавать приказы частям вермахта. Предложения ОКВ передавались по инстанциям частями вермахта как самостоятельные приказы.

Для армии разработка производилась в отделе военного дела. Здесь также трудился подполковник Шрадер в качестве доверенного лица Остера и Догнаньи.

На смену Гросскурту пришла личность совсем иного склада: бывший офицер австрийской военной разведки и контрразведки и впоследствии генерал Лахоузен, в чистом виде тип прежнего офицера k.u.k.⁵ В отделе разведки австрийского генерального штаба он был консультантом по Чехословакии под началом генерала Бёма. Между абвером и этим ведомством еще до Канариса существовало взаимодействие в форме обмена разведданными по Чехословакии. Но Лахоузен позднее не предпринимал ничего, чтобы снабжать Канариса сведениями из австрийского генштаба.

Германским офицером связи с этим ведомством был руководитель отделения абвера граф Маронья-Редвиц. До аншлюса он руководил абвером в Мюнхене, затем возглавил абвер в Вене. О графе с сильно обезображенным лицом говорили, что это был в высшей степени благородный человек. Из-за сбора информации однажды он был осужден в Швейцарии. Через посредничество Маронья Лахоузен, который уже давно задумывался об аншлюсе, приехал в 1938 году в Берлин и быстро получил звание. Как прогермански настроенный австриец, он вначале был сторонником аншлюса, и, когда позже наступило разочарование, в Канарисе он увидел человека, который мог бы разрушить систему Гитлера. Выступление Лахоузена на Международном военном трибунале в Нюрнберге произвело сенсацию, но его критическая оценка не во всех пунктах была состоятельна. Лахоузен в абвере оставался по 1943 год. Летом 1943 года его сменил полковник Фрейтаг-Лорингховен.

Руководитель III отдела, полковник генштаба Бамлер, поддерживал очень хорошие отношения со службой контрразведки тайной государственной полиции. И все же уже в 1939 году он принял командование над войсковой частью. Его преемником стал полковник генштаба Бентивеньи, представлявший собой итальянский тип, маленький и щуплый, «абсолютно корректный и приличный человек». Его взаимоотношения с Канарисом, которого он не принимал из-за его «лукавого, неискреннего характера», не выходили за служебные рамки.

Шефом заграничного отдела был контр-адмирал Бюркнер. Большой, крупный мужчина с грубым добрым лицом не мог свыкнуться с манерами Канариса.

⁵ Императорский и королевский офицер (в Австро-Венгерской империи).

Что происходило в службе Z? Римские переговоры

– Господин подполковник просит войти!

Внештатного консула доктора Шмидгубера осенним днем 1939 года ввели в кабинет подполковника Брассера из отдела Z.

– Коллега Тешенмахер из Мюнхена информировал меня о вас и о вашей просьбе.

Доктор Шмидгубер делает легкий поклон.

– У вас имеются контакты с Ватиканом, герр доктор? Очень интересно! Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

– Благодаря моей деятельности за границей, – рассказывает доктор Шмидгубер, – у меня налажены хорошие связи с Ватиканом. Сегодня Ватикан – единственная организация в мире, которая, несмотря на войну, поддерживает устойчивые контакты почти со всеми странами. И у нас должна быть прямая связь с Ватиканом.

Подполковник слушает с нарастающим интересом:

– А вы можете назвать мне имена, адреса?

Шмидгубер называет их.

Офицер встает.

– Могу я попросить вас немного подождать? Дело представляется мне столь важным, что мне хотелось бы тотчас доложить о нем.

Через некоторое время Брассер возвращается:

– У меня к вам вопрос: готовы ли вы поехать в Рим по поручению абвера?

– Разумеется. Но чтобы полностью использовать имеющиеся возможности, мне потребуется помощь одного человека, который смог бы чрезвычайно плодотворно дополнить мои контакты. Я имею в виду адвоката доктора Мюллера в Мюнхене.

Таким способом доктор Йозеф Мюллер, который позднее приобрел в Мюнхене популярное прозвище Упрямый Баварец, и доктор Вильгельм Шмидгубер установили контакт с абвером. Кто бы тогда мог предположить, что личность доктора Шмидгубера послужит поводом к разгрому абвера!

Доктор Шмидгубер, богатый светский человек, из старинной семьи кадровых военных, любил насыщенную событиями жизнь и ненавидел войну. 20 августа его призвали на переподготовку офицеров запаса, окончание которой вследствие разразившейся войны сделалось призрачным. В качестве дежурного офицера он поступил в распоряжение штаба воздушного округа 3-го воздушного флота под командованием генерала Шперрле в Нюрнберг-Роте.

На этой должности Шмидгубер чувствовал себя не очень уютно и подумывал о том, как бы уволиться со службы и вернуться на прежнее место португальского консула. Для него, много разъезжавшего по свету, было очень важно поддерживать контакты с заграницей.

Тут на ум ему пришел один старый приятель, подполковник Тешенмахер из отдела абвера в Мюнхене. Размышляя, как бы в качестве консула получить освобождение от призыва в армию и при этом не оказаться на службе у Канариса, он пошел к Тешенмахеру. Когда подполковник узнал, что у Шмидгубера есть связи с Ватиканом, он тотчас направил его в Берлин к подполковнику Брассеру из отдела Z.

О паспортах позаботился абвер, и вскоре после завершения польской кампании оба мюнхенца отправились в Рим и остановились в отеле «Флора». У доктора Мюллера здесь также были хорошие связи. Так, он знал монсеньора Шёнхёфера, венчавшего его, патера Лейбера, одного из влиятельнейших лиц в папском окружении, и монсеньора Кааса. Шмидгубер знал бельгийского главного аббата на Малом Авентине, Г. Ноотса, и монсеньора Крига, главного капеллана швейцарской гвардии.

Оба мюнхенца встретились с этими священниками и сразу открыли им, кем они были на самом деле: противниками национал-социализма и войны. Об абвере они умолчали; они хотели установить, возможно ли еще после кампании в Польше уладить отношения, прежде чем они приведут к расширению войны на Западе.

Ответ из Ватикана не заставил себя долго ждать. Монсеньор Шёнхёфер передал его, и он был результатом зондажа придворными папы сэра Осборна, английского посланника при Ватикане: имеется ли возможность устранить войну на основе переговоров, пока она не переросла в боевые действия на Западе.

Мюнхенцы прямо из отеля «Флора» отправили доклад в Берлин. Он вызвал большой интерес у шефа абвера, который приветствовал все, что обещало мирные перспективы.

По воле случая у Канариса сидел один человек, который лично знал доктора Мюллера: доктор Ленц, впоследствии госсекретарь в ведомстве федерального канцлера, обсуждал ситуацию с полковником Остером и советником имперского верховного суда фон Догнаньи, который в чине старшего зондерфюрера (соответствовало званию командира батальона) служил в отделе Z абвера. Оба также были членами Сопротивления; они признали в докторе Мюллере человека, который, помимо своей деятельности в абвере, мог сослужить службу и группе генерал-полковника Бека. Так Мюллер стал римским уполномоченным группы Сопротивления в службе Канариса.

С этого времени – с октября 1939 года – Мюллер стал выступать не только в качестве противника национал-социализма, но и в качестве представителя немецкого Сопротивления под прикрытием сотрудника абвера.

Доктор Мюллер снова попал под надзор патера Келлера, состоявшего на службе в СД⁶, и аббата Гофмейстер-Меттена, работавшего на абвер. Аббат Гофмейстер хотел занять кафедру пражского архиепископа. Когда он производил фотосъемки в Швейцарии, его арестовали; но ему удалось подменить отснятую пленку засвеченной.

С тех пор стали использовать псевдонимы; так, если говорили о некоем «К», то это было буквенное обозначение для «Согроге» – патера Лейбера. Под «Дядей Людвигом» скрывался прелат Каас, который, однако, устранился от переговоров уже на ранней стадии.

Теперь доктор Мюллер все чаще встречался со связными Ватикана. И если доктор Шмидгубер оставался в тени, то он нередко вел переговоры с главным аббатом Ноотсом, с которым был одного мнения по поводу неверной наступательной диспозиции союзников. Французы и англичане слишком близко стояли у границы, так что они, не имея возможности уклониться, подвергались опасности германского удара и окружения.

Вскоре они достигли конкретных договоренностей. Через патера Лейбера доктор Мюллер установил контакт с сэром Фрэнсисом Осборном, английским посланником в Ватикане. Англичанин должен был попытаться разузнать, при каких условиях его правительство готово заключить с Германией мир. Вскоре патер Лейбер смог передать английские предложения. Германская оппозиция обязывалась еще до начала боевых действий на Западе сместить Гитлера. Еще Сопротивление должно было дать обязательство, что оппозиция способна воспрепятствовать наступлению на Западе.

Полковник Остер обсудил это недвусмысленное требование со своими людьми: фон Догнаньи, Дитрихом Бонхёфером, Гизевиусом.

Бек также был проинформирован, и, как само собой разумеющееся, считалось, что Канарис тоже посвящен в дела, хотя он, и это было для него типичным, лично никогда ни появлялся на переговорах, ни нес какую-либо иную ответственность.

⁶ СД – Служба безопасности партии.

Остер сделал следующее обязывающее заявление: «Мы в состоянии произвести внутренний переворот и предотвратить планируемое наступление на Западе, если английские условия мира будут приемлемыми».

В то время как доктор Мюллер и доктор Шмидгубер находились в Риме, без их ведома начался зондаж о мирных переговорах с другой стороны, зондаж германской стороной проник в Англию.

Примерно в это же время в швейцарском ресторанчике в Риме сидели двое молодых людей за маленьким столиком и пили мюнхенское пиво.

Среднего роста, темноволосый прикурил сигарету.

– Итак, вы женились, и ваш тесть теперь – бывший посол господин фон Хассель?

Деталмо Пирцио Бироли улыбнулся:

– Именно так, мистер Брайанс.

Брайанс, молодой англичанин, хорошо знал министра иностранных дел лорда Галифакса. Он находился со своеобразной миссией в Риме, с миссией, которую он сам на себя возложил. Он уведомил Галифакса о том, что в Германии имеются влиятельные противники национал-социализма, которые достаточно сильны, чтобы свергнуть режим. Лонсдейл Брайанс поставил себе задачу установить из Рима контакт с немецкими противниками Гитлера. Галифакс одобрил эту идею. Пока на Западе еще не начались крупные сражения, мир еще был возможен. Итак, Лонсдейл Брайанс отправился в Рим; он был принят в курии и начал зондаж. В «Альбрехте» он совершенно случайно познакомился с Деталмо Пирцио Бироли, будущим зятем господина фон Хасселя. После первоначального осторожного прощупывания друг друга молодые люди вскоре подружились. Англичанин намекнул на задачу, которую он поставил перед собой, а крупный и высокий итальянец – узким лицом и темно-серыми глазами он скорее походил на англосакса (бабушка его была американкой) – дал понять, что он – антифашист. Деталмо сообщил насторожившемуся англичанину, что фон Хассель рассказывал ему, будто в Германии имеется влиятельная группа немецких патриотов, готовых освободить страну от национал-социалистического режима и заключить мир с Англией и Францией. Хассель также сказал ему, что было бы очень важно, если бы он, Деталмо, сумел найти в Риме доверенное лицо, способное передать это Галифаксу.

Брайанс тотчас же поехал в Лондон и сообщил лорду Галифаксу:

– Хассель – будущий министр иностранных дел свободной Германии.

– Никто так горячо не желает мира, как я, – оживленно сказал Галифакс.

Брайанс тотчас снова вернулся в Рим.

Между тем Пирцио Деталмо после трехлетних ухаживаний женился на прекрасной дочери Хасселя Фей. Он договорился встретиться со своим тестем в Швейцарии. Это было возможно, поскольку у Вольфа Ульриха, старшего сына посла, была тяжелая форма бронхита и в это время он находился в санатории в Арозе. Отец часто навещал его. Лонсдейл Брайанс должен был выдать себя за специалиста, который прибыл в Арозу для консультации его сына. Там они и должны были встретиться...

Молодые люди допили свое пиво.

– Вот фотография моего тестя. По фотографии вы его и узнаете.

– Да, – заметил Лонсдейл Брайанс, – такое лицо не просто забыть.

– Когда вы полагаете ехать? Кстати, жена фон Хасселя, которая в гостинице «Исла» ухаживает за сыном, бегло говорит по-английски. Где вы остановитесь?

– В «Эдеме», – ответил англичанин. – Из-за множества шпииков мне не хотелось бы останавливаться в том же отеле, что и семейство Хассель.

– Я сразу же телеграфирую вам в Арозу о времени прибытия моего тестя, – пообещал итальянец.

Холодным февральским утром Лонсдейл Брайанс направляется из «Эдема» в «Ислу», которая находится недалеко – в каких-нибудь пятистах метрах. О прибытии Хасселя ему уже сообщили. Вон стоит нужный отель, немного ниже санатория в Арозе. Его почти не видно. Время от времени очередной постоялец исчезает в дверях отеля; но никто не выходит наружу.

Тщетно молодой англичанин ожидает посла, которого ему описали как темно-русого мужчину со слегка седеющими висками и небольшими усами.

Идет сильный снег, и, когда Брайансу становится совсем неудобно, он входит в отель «Исла».

– Есть ли свободные комнаты? – спрашивает он у портье.

– Пожалуйста, комнаты имеются. Какую сторону вы предпочитаете?

Постоялец осматривает номера долго и основательно, пока не наступает время завтрака.

– Могу ли я здесь позавтракать?

– Пожалуйста, сударь!

Его проводят в маленькую очень теплую столовую. Он садится за один из столиков с тремя швейцарцами, которые делятся впечатлениями после катания на лыжах. Осторожно оглядывается. Никого.

Вдруг входит одна «дама весьма привлекательной внешности», которая заказывает завтрак за соседним столиком, расположенным у стены.

Она одета в черное. «Это может быть только жена фон Хасселя», – думает англичанин и заводит на английском разговор со швейцарцами. Довольно громко он упоминает, что прибыл из Рима и только что неподалеку от города посетил замечательное местечко под названием Деталмо, да, Деталмо. Здесь, в Арозе, он живет в «Эдеме». Дама за соседним столиком должна была бы все прекрасно понять. Но так как далее ничего не происходит, ясно, что фон Хассель еще не приехал.

Когда Лонсдейл Брайанс возвращается в «Эдем», он находит телеграмму: Хассель придет в четверг.

Снова англичанин бредет в отель «Исла» с блокнотом для рисования в руке. Но его рисование, похоже, никого не интересует.

В Куре господин фон Хассель пересел в поезд на Арозу. На старый епископский город уже опускались вечерние сумерки. Посол не любовался заснеженным ландшафтом.

Его мысли были в Берлине. Там перед своим отъездом он еще раз навестил всех своих друзей. Повсюду он сталкивался с подавленностью, настроением безвыходности и отчаяния. С 5 ноября, когда Гитлер накричал на Браухича, все пошло кривь и вкось. Гаммерштейн⁷, возглавлявший командование в Кельне, теперь при Гитлере полностью впал в немилость. И план Вицлебена потерпел провал. Генерал-полковник, ставка которого находилась во Франкфурте, должен был сразу появиться в Берлине, как только поблизости окажутся выводимые с Востока дивизии. С помощью этих войск он должен был нейтрализовать в Берлине СС. Затем Бек должен был выехать в Цоссен и из рук Браухича получить главное командование. В одном из обращений, составленном фон Догнаньи, Гитлер объявлялся сумасшедшим. Война бы продолжалась, но только до тех пор, пока бы не был достигнут разумный мир.

⁷ Гаммерштейн-Эквор был генерал-полковником и возглавлял командование армией, когда Гитлер пришел к власти. Он был известен как противник национал-социализма и еще в 1933 году был заменен на Фрича. (Примеч. авт.)

И тут разразилась беда. Технически оказалось невозможным стянуть войска к Берлину. Потому провалилась и акция Вицлебена. Теперь даже генерал Гёрделер превратился в пессимиста. Фон Хассель встречался и с генералом Рейхенау, командовавшим 6-й армией; Хасселя ждал резкий отказ. Генерал холодно сказал, что наступление перспективно и его следует провести: «Теперь нужно выстоять».

Неутомимый Гёрделер снова рассчитывал на Гальдера. Но это был расчет без фундамента. Гальдер уступил.

Таково было положение дел, когда фон Хассель зимним вечером ехал в Арозу...

Рисовальщик захлопывает свой блокнот, решительно подходит к отелю «Исла» и звонит.

Дверь открывается – в ее проеме стоит стройный, еще довольно молодо выглядящий человек. «Это он».

– Не подскажете ли, сударь, здесь ли находится пансион «Деталмо»?

Человек в проеме двери улыбается, подходит к иностранцу и протягивает ему руку. Лонсдейл Брайанс показывает документ. Затем начинает обычный политический разговор. Но фон Хассель не говорит ни слова о цели встречи. Англичанин разочарован.

Поскольку обе стороны начинают издали, чтобы перейти к серьезным вещам, собственно предмет переговоров теперь неоднократно затрагивается намеками.

– Не встретиться ли нам еще раз после полудня? – предлагает немец.

Они встретились на заброшенной, практически непроезжей дороге. Теперь Хассель держал себя совершенно иначе.

– Я все обдумал и решил передать с вами лорду Галифаксу письменное изложение ситуации. – Затем он поясняет свое мнение о развитии событий: – Перед государственным переворотом должно быть достигнуто полное взаимопонимание с Англией... Прежде всего, важно было бы знать, что Англия собирается извлечь не только военную выгоду из изменений в рейхе, но и будет готова тотчас же начать переговоры с новым германским правительством. Если я получу подобное письменное согласие, то тогда смогу добиться большего у моих пока еще колеблющихся единомышленников.

Молодой англичанин отвечает с радостным возбуждением:

– Во время моей встречи с лордом Галифаксом 8 января он твердо заверил меня, что лично употребит все свое влияние в желательном смысле.

– Мне это весьма отрадно слышать. Однако необходимо, чтобы я привез в Берлин какое-то документальное подтверждение, что убедило бы моих друзей.

– Это не так просто сделать.

Фон Хассель остановился:

– Все идет к европейской катастрофе. Мы обязаны предотвратить ее. Подумайте, что означала бы подпись лорда Галифакса для моих друзей! Это было бы нечто солидное, осязаемое. Это, без всякого сомнения, послужило бы толчком. Стало бы большим моральным оправданием наших начинаний; это привлекло бы пока еще колеблющихся... это... – добавил он, – разрушило бы широко распространенное в Германии мнение, будто Англия стремится более всего к уничтожению Германии, нежели к свержению Гитлера. Я даже утверждаю, что успех или неудача государственного переворота полностью зависят от письменного заявления лорда Галифакса.

Лонсдейл Брайанс тонко чувствует, что происходит в Германии, он понимает его.

– Я сделаю все, что в моих силах, – с искренней убежденностью обещает он. – Когда вы хотели бы передать мне заявление лорду Галифаксу?

– Сегодня после обеда, лучше в «Посте».

Когда они вечером встречаются, в «Посте» нет ни одного свободного столика. Они идут дальше и находят маленькую тихую гостиницу. Здесь они обсуждают заявление, написанное Хасселем его крупным характерным почерком.

На следующее утро они еще раз встречаются в небольшой чайной, и Лонсдейл Брайанс забирает заявление и подписанное письмо к Галифаксу.

Посол разработал мирные предложения лорду Галифаксу. По мнению фон Хасселя, цель состоит в том, чтобы получить от английского министра иностранных дел гарантии, что смена режима в Германии будет использована союзниками не для собственной выгоды, а лишь для того, чтобы установить длительный мир.

Заявление фон Хасселя гласило:

«Крайне важно как можно быстрее покончить с этой безумной войной.

Это необходимо, поскольку постоянно возрастает опасность, что Европа окажется полностью разрушенной и прежде всего большевизируется.

Для нас Европа – не поле битвы или основа мощи, а отечество, в рамках которого здоровая, жизнеспособная Германия станет незаменимым фактором стабильности, особенно при наличии большевистской России.

Целью мирного договора должны стать долгосрочное умиротворение и оздоровление Европы на твердой основе и гарантия предотвращения легкомысленной вспышки военного противостояния.

Для этого необходимо выполнение условия, по которому объединение Австрии и Судетов будет находиться вне рамок обсуждения. Точно так же не подлежит обсуждению вопрос западных границ Германии, тогда как германо-польская граница должна совпадать с границей Германской империи 1914 года.

Мирный договор должен быть построен на определенных, всеми сторонами признанных принципах».

Затем следовал ряд основополагающих принципов: восстановление независимой Польши и независимой Чехословакии, сокращение вооружений, справедливость и законность как основа общественной жизни. Контроль за государственной властью со стороны народа, свобода слова, совести и умственного труда.

19 марта 1940 года фон Хассель был у Бека. Генерал-полковник вообще оценивал наступление на Западе очень пессимистично. Затем появился Остер и Догнаньи. Только здесь и теперь Хассель узнал о связке Остер – доктор, Мюллер – доктор, Шмидгубер – Ватикан – сэр Фрэнсис Осборн.

Первые ответы от Галифакса уже поступили: он полагал необходимым децентрализацию Германии и плебисцит в Австрии.

Как заметил Догнаньи, Ватикан особо подчеркивает, что известные формулировки Галифакса в целом не являются принципиальными, главное – смена режима, а это обещано.

– Хотите ли вы ознакомить Гальдера? – спросил Остер. – Но не называя имени нашего посредника в Италии. Лучше мы предоставим вам доклад. Нашего Мюллера в Риме мы назовем господином Х.

– Итак, Х-доклад, – улыбнулся фон Хассель. – Поверит ли мне Гальдер?

Гальдер выразил желание увидеться с Хасселем. Но вскоре он стал сомневаться; он ссылаясь на свою офицерскую клятву, и Гёрделер, посредничавший в переговорах, вычитал в одном из писем к нему Гальдера, будто Англия и Франция объявили Германии войну и

она теперь «неминуема». Будто компромиссный мир бессмыслен. Только в случае крайней необходимости следует поступать так, как хотел бы он, Гёрделер.

Заключительный отчет был составлен фон Догнаньи. Гальдер получил его для ознакомления, он же передал доклад Браухичу. Позднее его обнаружила тайная государственная полиция, когда в сентябре 1944 года нашла абверовский сейф Остера в Цоссене.

Дни шли за днями. Драгоценные дни. Хассель ждал сигнала из Арозы. Каждое утро он думал: «Вот сегодня придет весть от мистера...»

Но никакой вести не было.

Сомнения охватили посла. Возможно, его посредник еще не установил контакт с Галифаксом; или же британский министр иностранных дел больше не желает консультаций?

Тут зазвонил телефон. Звонок из Италии. Зять Хасселя у аппарата. Английский друг только что прибыл в Арозу. «В 21 час в курзале», – закончил итальянец разговор.

Ну вот! Все подозрения оказались ложными. Мистер Лонсдейл Брайанс говорил правду.

Была середина апреля, когда фон Хассель выехал в Арозу. Он мучительно размышлял о гарантии, данной Остером англичанам от имени Сопротивления – воспрепятствование наступлению на Западе и ниспровержение режима Гитлера.

Это обещание через Рим отправилось в Лондон.

А если он не сможет выполнить обязательства оппозиции? Что тогда скажут англичане?

Последние события вокруг Гальдера и Браухича, собственно говоря, подтверждали, что от этих офицеров ожидать нечего. Любые переговоры с ними оказывались лишь тратой времени. Было ли движение Сопротивления на верном пути? Стоило ли понапрасну тратить время с нерешительными генералами? Но с кем же тогда можно было решиться на путч? Не с кем – вот ответ, который был вынужден дать себе Хассель. Но надежда не покидала его. Если он сможет предоставить генералам гарантии Галифакса, они станут решительнее и сговорчивее.

В Арозе Лонсдейл Брайанс, приехавший из Лондона, располагается в своем прежнем отеле «Эдем». Сезон кончился, и гостиница почти пуста. В «Посте» Брайана ждало известие. Тогда он пускается в путь, постоянно курсируя мимо отеля «Исла». Но дом словно вымер, никто из него не выходит. Брайанс разочарован и снова возвращается в «Пост».

Правда, сэр Кедогэн, которому Галифакс передал меморандум Хасселя, не смог в достаточной степени похвалить посла. Галифакс и Чемберлен поручили ему выразить Хасселю признательность за его мужество, с каким он поставил свою собственную подпись под письмом, в которое был вложен меморандум. Но сам Галифакс более не желает передавать что-либо написанное собственноручно, поскольку незадолго до того он уже передал подобные гарантии «другим каналом», а именно: папе. Они были переправлены и оппозиции.

Лонсдейл Брайанс размышлял, не позвонить ли ему Деталмо. Ситуация просто комичная. Из «Поста» можно видеть «Ислу», до гостиницы рукой подать. Но он осторожен. Поэтому он звонит Деталмо в Рим: тот может сказать своему тестю, что специалист на месте.

После ужина фон Хассель поджидает перед «Эдемом». Ему не приходится долго ждать, Лонсдейл Брайанс вскоре его обнаруживает.

– Я тщетно прождал вас долгий день, – встречает его англичанин. – Немного прогуляемся?

– С удовольствием.

Вытянутое в длину вдоль южного склона долины Плессур местечко погружено в сумерки.

– Ваше заявление я передал Галифаксу, он показывал его Чемберлену.

– Что на это сказал сэр Галифакс? – спрашивает Хассель.

– Он был очень благодарен мне за сообщение. С основными положениями он согласен. Но письменного подтверждения дать не может.

Хассель скрывает свое разочарование и молчит.

– Он не может его дать, – продолжает Брайанс, – поскольку всего неделю назад передал его по другому каналу.

– Ах, вот как... – Фон Хассель сразу вспоминает о бумагах, которые ему показывали Догнаньи и Остер в доме Бека. – Я знаю, но это не совсем то, что нам нужно, и не то, что нужно мне самому.

– Сознаюсь, что я и мои люди скептически относимся к этому другому каналу. Я даже обеспокоен, является ли этот другой путь, о котором говорил Галифакс, правильным.

– Вот именно, – кивает фон Хассель.

– Думаю, что речь идет об известной мне серьезной акции, которая была поручена той самой группе, с которой у меня имелаась связь. Ее сообщение я могу лишь с жаром приветствовать как своего рода подтверждение. – По некотором размышлении фон Хассель добавляет (наступление на Данию – Норвегию было в полном разгаре): – Я хотел бы только знать, придерживается ли Лондон все еще и теперь позиции справедливого мира. Это то, чего я жду.

– Непременно! Я рад, что вам известен другой канал. Если бы вы ничего об этом не знали, то это было бы неправильно. Но достойно внимания кое-что иное: у нас уже нет полной уверенности в изменении системы в Германии. Мы сомневаемся!

Но на изменении системы строились все английские обязательства.

– У лорда Галифакса поменялась точка зрения?

– Нет, – невозмутимо говорит Брайанс, – его позиция принципиально неизменна.

Когда господин фон Хассель по узкоколейке едет в Кур, он не везет с собой долгожданного письма лорда Галифакса.

– Ваш меморандум надежно хранится в сейфе Форин Офис, – на прощанье сказал англичанин. – Возможно, мне еще удастся привезти вам письменное подтверждение.

И все-таки англичане слишком долго возлагали надежды на обязательства немецкой оппозиции. Это было заметно даже по их военным приготовлениям во Франции. Но шли месяцы, и ничего не происходило. Доктор Шмидгубер все больше проникался скепсисом, и на свой вопрос он получает от доктора Мюллера таинственный ответ: «День X неотвратимо надвигается; я знаю его точную дату. Режим Гитлера сотрут в порошок».

Когда доктора Мюллера некоторое время спустя снова спросили: «Так почему же ничего не происходит?» – он признался: «Браухич не желает принимать участие».

С конца марта Лондон стал нервничать и проявлять недоверие. Разведка доносила, что немецкие приготовления к наступлению продолжаются. Вдобавок у двух немецких летчиков, 10 января 1940 года сбившихся с курса над бельгийской территорией, были обнаружены без всякого сомнения подлинные карты наступления на Бельгию и Голландию. Эти факты свидетельствовали о кое-чем ином, нежели то, что говорил отдел Z.

Бельгия уже была заранее проинформирована о планах Гитлера войти в нейтральные Бельгию и Голландию. И вновь бельгийский генеральный консул в Кельне, господин Г. ван Шендель, обратил внимание своего правительства на то, что немцы готовят наступление в Арденнах с прорывом к Кале. Но первые предупреждения о германском наступлении пришли из Рима.

16 декабря 1939 года у итальянского военного атташе в Берлине, генерала Марраса, состоялась беседа с генералом доктором Вальдемаром Эрфуртом, тогда обер-квартирмейстером V главного командования вооруженных сил. Эрфурт заявил ему, что германская армия уверена в своем успехе, если у нее будет необходимое стратегическое пространство. Поэтому неминуемо вторжение в Бельгию и Голландию. Провести операцию сравнительно легко, поскольку эти страны в военном отношении слабы, а французские войска у границы намного малочисленнее, нежели в центре. «Мы надеемся, – сказал генерал, – что французы частью своих сил пойдут на помощь бельгийцам. В таком случае они будут отрезаны от основных сил своей армии, и решающее сражение может произойти во Фландрии».

18 декабря итальянец сообщил бельгийскому послу в Берлине виконту Давиньону: наступление на Западе предпринято.

Маррас уведомил свое правительство в Риме.

26 декабря 1939 года Муссолини лично поручил графу Чиано тайно ознакомить дипломатических представителей Бельгии и Голландии с содержанием донесения генерала Марраса. 30 декабря бельгийская принцесса Мари-Жозе, как супруга итальянского кронпринца, была проинформирована об обстоятельствах дела, и, когда Чиано 2 января 1940 года принимал бельгийского посла, он сказал ему: «Бельгия находится в большой опасности. Будьте готовы к любым обстоятельствам, ибо иногда агрессор отказывается от своих намерений, если замечает на своем пути серьезные препятствия».

5 января шведский посланник в Берлине Арвид Рейхерт уведомил своего бельгийского коллегу о генеральном наступлении на Западе. Начало – 15 января или несколькими днями позже, в зависимости от погодных условий.

В среду, 10 января, папский нунций в Брюсселе, монсеньор Микара, предупредил бельгийское министерство иностранных дел – опасность на пороге.

Через посредников в Швейцарии и Лиссабоне доктор Шмидгубер узнал: в Лондоне придерживаются мнения, что германской оппозиции давно пора осуществить свои планы. Наконец она должна начать действовать. В Лондоне уже стали задаваться вопросом, уж не является ли это странное немецкое Соппротивление изобретением национал-социалистов и не создано ли оно для того, чтобы снизить английскую обороноспособность.

Сомнения в Англии зародились еще и по другим причинам. Два английских офицера контрразведки, Бест и Стивенс, были вовлечены в переговоры с одной группой СД (Служба VI РСХА). Представители группы выдавали себя за уполномоченных вести переговоры от имени военных инстанций. Англичане поддались на уловку и были похищены и вывезены через границу вместе с одним голландским лейтенантом. Голландец заплатил жизнью.

Это происшествие и нерешительность немецкого Соппротивления создали в Англии впечатление, будто в Германии не существует никакой оппозиции: на деле это только «игра». Министр иностранных дел Галифакс поставил в известность своего посланника в Ватикане об этом мнении, а сэр Фрэнсис д'Арси Осборн сделал об этом доклад папе, ведомства которого, в свою очередь, оповестили о том немецкую сторону. Ватикан также чувствовал себя обманутым.

Пришел апрель. Он принес с собой операцию в Норвегии, и мирные перспективы становились все призрачнее. Ежедневно ожидалось наступление на Западе.

В начале мая доктора Мюллера не было в Риме. Между тем Канарис узнал дату наступления на Западе. Остер сообщил эту дату доктору Мюллеру и поручил через Ватикан передать информацию английскому посланнику. Доктор Мюллер в Мюнхене передал одному своему доверенному лицу записку с четким заданием отвезти ее в Рим и вручить «С», то есть патеру Лейберу. В записке говорилось:

«10 мая 1940, четыре часа!»

Доверенное лицо тотчас же выехало в Рим и уже в понедельник, 6-го, или, самое позднее, во вторник, 7 мая, подтвердило из Рима передачу записки патеру Лейберу. По телефону он сообщил доктору Мюллеру в Мюнхен:

– «С» молча принял сообщение. Легким кивком он дал понять, что ему все ясно.

– Передайте «С», – сказал доктор Мюллер, – заседание наблюдательного совета переносится на двое суток.

Это новое сообщение «С» своевременно переправить дальше уже не успел. А дату «10 мая» он уже передал.

Бельгийский посол в Ватикане, господин де л'Эсколь, по радио передал сообщение в Брюссель:

«Только что прибывший из Берлина немец сообщил мне, что наступление начнется на следующей неделе, через Бельгию и Голландию».

Ответ из Брюсселя гласил:

«Проверили ли вы надежность этого немца?»

Де л'Эсколь радировал в ответ:

«Я знаю этого немца. Он надежен и рекомендован одним нашим соотечественником».

Этот радиообмен был перехвачен германскими службами. Гиммлер приказал СД провести расследование. Параллельно этому расследование вел и абвер. Руководил им полковник Роледер, тогдашний начальник группы III F (внедрение в разведслужбы противника). Роледер отправил одного ловкого доверенного человека в Рим (доверенное лицо Ашер) и поручил ему выяснить суть дела⁸.

Доверенный человек вскоре сообщил, что подозрения относительно доктора Мюллера укрепились. Насколько можно судить, только Мюллер мог быть источником переданной по радио информации. Отчет доверенного лица поступил к полковнику Роледеру; он положил его перед полковником Бентивеньи. Бентивеньи передал его Канарису, который направил его Остеру. Остер вручил отчет доктору Мюллеру для «комментария».

Канарис, посоветовавший Остеру доверить доктору Мюллеру передачу даты наступления, распорядился допросить его. «Ибо в случае необъявленного нападения, – сказал генерал-полковник Бек, – нам не стоит ожидать от союзников, что они будут делать различие между порядочной Германией и режимом Гитлера».

Когда доктор Мюллер объяснился, доверенный человек (Ашер) был отправлен на пенсию и затем услан в Швецию.

Еще до того, как началось майское наступление, вера в оппозицию за границей была сильно поколеблена. Слишком часто Остер делал на Западе заявления о предстоящем уничтожении режима Гитлера и назначал ближайшую дату дня X. А день X все не наступал и не наступал.

В Лондоне от министра иностранных дел Галифакса знали, что существует оппозиция. Но была ли она подлинной?

Когда разразилось наступление на Западе, а попыток свержения Гитлера так и не произошло, кредит доверия германской оппозиции в Англии, да и в других странах, был окончательно подорван.

Оппозицию и режим сравнивали с бронированным кулаком, внутренняя часть которого была режимом, а поверхность – оппозицией. Поэтому было совершенно не важно, какой из двух факторов доминировал – внутренний или внешний. Кулак все равно оставался кулаком.

⁸ Тогда как доктор Мюллер вплоть до 1952 года считался посредником при передаче даты наступления в Рим, сам он на суде в Мюнхене осенью 1952 года заявил, что не называл и не знал «даты» ввода войск. (Примеч. авт.)

Но разве генералитет не происходил из кайзеровской эпохи? Разве не были почти все оппозиционеры немецкими националистами? То есть той партией и теми восточногерманскими юнкерами, которые, не долго думая, «нейтрализовали» Гинденбурга и определили его в немощные старцы, отправили в отставку Брюнинга, поскольку боялись разоблачения своей политики на Востоке и его скромной земельной реформы? Разве не германские националисты расчистили путь Гитлеру?

В глазах англичан и других эти юнкера были абсолютными реакционерами, а военная диктатура, – невзирая на социальный регресс, который англичан не волновал, – являлась большой угрозой миру. Англичанам был слишком хорошо известен прорусский настрой всего германско-прусского генерального штаба. Они знали о линии Секта, знали о поездках в Россию Гаммерштейна и его дочерей-коммунисток. Им также было известно и об испытаниях германского оружия, самолетов и танков. Потому они пришли к убеждению, что даже в том случае, если существующий режим будет свергнут германскими националистами и генералами, политика нового режима в общем и целом не изменится. Складывалось представление, будто военная каста жестоко обыграла друзей Запада и ищет подстраховку в Москве. Кроме того, в Лондоне не могли избавиться от ощущения, что их ловко провели.

Поэтому после майского наступления все более поздние предложения германской оппозиции отвергались. Ведь они, добившись власти, не поступят иначе, а станут продолжать гитлеровскую политику дружбы с Россией.

Полковник Остер называет дату нападения на Норвегию и наступления на западе

3 апреля по затемненным улицам Берлина едет автомобиль. Машина въезжает на Байришештрассе в Вильмерсдорфе и останавливается у дома № 9, неподалеку от Пройсен-парк. Из автомобиля, который сразу же отъезжает, выходит хорошо одетый человек. Едва он касается звонка, как дверь мгновенно открывается. Полковник Остер в форме спешит навстречу своему гостю и вводит его в дом.

– Здесь мы одни, – говорит он.

Часы показывают 17.00.

Полковник Сас, голландский военный атташе в Берлине, садится напротив полковника.

– Как старому знакомому, должен тебе кое-что сообщить, – говорит Остер. Он серьезен и задумчиво подпирает рукой голову. – Речь снова идет о нападении...

– На Голландию! – испуганно восклицает Сас.

– Пока нет! Но в перспективе. Сейчас же на очереди Дания и Норвегия.

– Норвегия? – Сас сражен. – Отчего же Норвегия, что же нужно там немцам?

– Гитлер хватается за любой проект. Чем фантастичнее, тем лучше, – отвечает Остер.

Сас все еще не может опомниться:

– Если бы ты сказал: Голландия – я бы сразу в это поверил; но Норвегия?..

– Для нас это не так маловажно, как ты думаешь. Мы зависим от шведской руды, которая идет через Нарвик. К тому же Рёдер хочет использовать норвежские порты в качестве баз для подводных лодок.

Сас продолжает качать головой.

– Но как же, скажите, ради бога, они предполагают захватить Норвегию? Ведь германский флот такой малочисленный...

– Для безумца все возможно, – говорит Остер. – Правда, при этом ему следует отдать должное, ведь фактически не исключена возможность английской высадки в Северной Скандинавии. Но где же тогда ему брать руду, если Нарвик будет занят союзниками?

Голландский атташе теперь понимает. Какое-то мгновение этот план кажется ему не чем иным, как плодом больного воображения. Кроме того, он знает полковника слишком хорошо. Информация Остера всегда была надежной, а если иногда и не сбывалась, то из-за тех случайностей и перемен событий, которые невозможно было предугадать. Изменившиеся обстоятельства нередко делали необходимым принятие иных решений, и вот тогда предсказания Остера не сбывались. Вот как в прошлом ноябре. Они тогда встретились – голландец помнит точно, 7 ноября, – и Остер сказал ему: «12 ноября – наступление. Возвращайся в Голландию и предупреди свое правительство. Обо мне могут сказать, что предаю собственную родину. Но в действительности это не так. Я считаю себя гораздо лучшим немцем, нежели те, кто бежит вприпрыжку за Гитлером».

Но тогда наступление было отменено Гитлером в самый последний момент.

У Саса не было оснований сомневаться в подлинности сегодняшней информации.

– А что говорит генштаб по поводу этого намерения?

– Там считают, что переброска морем крупных соединений невозможна. Тогда ефрейтор, не долго думая, просто-напросто взял и устранил генштаб. Браухич уже мобилизовал шесть дивизий. Разработка операции передана Кейтелю и Йодлю. Тебе в последние дни ничего не бросилось в глаза на улицах Берлина?

Полковник Сас отрицательно покачал головой.

– Нет, насколько я понимаю...

– Кругом появилось множество солдат с эдельвейсами на эмблемах головных уборов.
– Ах да, горнострелковые войска. Теперь понимаю. Это горные стрелки для Норвегии.
– Ефрейтор еще вызвал Фалькенхорста, генерал-полковника, который в 1918 году принимал участие в финской кампании, и расспрашивал его об условиях ведения войны на севере.

– Когда начнется нападение?

– Точно 9 апреля, – отвечает Остер. – Операция называется «Везерюбунг».

– Не знаю, как тебя благодарить.

На другой день Сас разговаривал с датским военно-морским атташе Кьолзенем и советником дипломатической миссии Стангом, которые были очень недоверчивы: ведь Германия не способна провести столь крупную операцию по переброске войск через море.

О сообщении Остера относительно наступления на Западе существует подробный голландский следственный протокол. Из него следует, что Остер сообщал обо всех датах германских наступлений.

Остер выдавал голландцам не только то, что было известно лично ему, но и старался узнавать в других отделах информацию, которая была недоступна его собственному отделу.

Когда Канарис в разговоре с датским посланником в Берлине, камергером Херлуфом Цале, подтвердил, что Гитлер намеревается начать акцию на севере, тот стал чрезвычайно внимательным. Цале тотчас передал это сообщение своему правительству, а Копенгаген, в свою очередь, передал информацию англичанам.

Каким образом Канарис и вместе с ним Остер получали эти сведения? Ведь Кейтель и Йодль, а не Гальдер разрабатывали планы по «Везерюбунгу».

Дело в том, что в феврале был сформирован особый штаб, разрабатывавший операцию. Канарису удалось ввести одного своего старого знакомого, капитана Лидига, в этот штаб в качестве представителя абвера, а тот сообщал обо всех деталях подготовки, так что Канарис и Остер были прекрасно информированы.

4 мая в Берлин из Гааги пришла телеграмма, в которой Сас извещался, что Ватикан предупредил Голландию о германском вторжении. Сас в ответ радировал: «Донесение соответствует истине».

9 мая, в пятницу, Сас и Остер снова встретились. Остер знал, что у Саса возникли осложнения с их генеральным штабом.

Полковник Сас несомненно питал доверие к Остеру, каждому слову которого он верил, даже вопреки мнению своего главнокомандующего, генерала Винкельмана, который сказал об Остере: «Собственно, источник – пустой болтун». Сас протестовал.

Ниже я дословно привожу отрывок из доклада полковника Саса голландской следственной комиссии в 1948 году:

«...Я приехал в Берлин и возобновил мое старое знакомство с одним человеком, которого знал уже семь лет, тогда полковником, а позднее генералом Остером, вторым или третьим лицом в иерархии германской контрразведки (абвер). Летом 1939 года – в апреле, мае, июне, июле – мне, как военному атташе, стало совершенно ясно, что на пороге – война, и я неоднократно об этом докладывал. Так оно и произошло. Первая мобилизация была проведена в августе 1939 года; на основании, как я полагаю, моего доклада мобилизация была проведена вовремя, и в начале сентября генерал Рейндерс объявил мне благодарность за мои донесения...

В пятницу, 3 мая, я сначала вновь получил сообщение от Остера о возможном вторжении в Голландию. Мы совместно приняли решение еще немного выждать, потому что Остер

сказал мне: «У тебя и так трудности в Голландии; тебе не верят. Подождем и посмотрим, что будет дальше». Это было во второй половине дня пятницы. В субботу из Гааги пришла телеграмма от министра иностранных дел с сообщением, что Ватикан предупреждает о возможности вторжения в Голландию. Далее в ней запрашивалось, что об этом известно военному атташе. Посланник в ответ радировал, что сообщение Ватикана полностью подтверждается информацией, получаемой военным атташе, и что вторжение запланировано на середину следующей недели...

В четверг после полудня у меня был последний контакт с Остером. Вечером в семь часов я приехал к нему. Я ездил к нему регулярно почти каждый день. При этом он сообщил мне, что на этот раз машина действительно запущена, что приказы о начале вторжения на Западе отданы и что Гитлер выехал на Западный фронт. Но к этому он добавил: «Еще существует вероятность, что операция будет отложена. Так происходило уже трижды. Так что давай немного подождем. В половине десятого – критическая точка отсчета. Если до 9.30 не последует отменяющего приказа, то это уже бесповоротно».

Затем Остер и я поужинали в городе. Конечно же это была в какой-то мере тризна, причем мы прошли еще раз по всему, что мы успели сделать. Остер вдобавок рассказал мне, что после авантюры с Данией проводилось расследование, поскольку обнаружилась утечка информации. Хотя проводилось расследование, но подозрение пало не на нижеподписавшегося, а на бельгийского военного атташе, поскольку тот был связан с католическими кругами главного командования вермахта. «Итак, – сказал Остер, – мы хорошо перетасовали наши карты. Они до сих пор не догадываются, как в действительности обстоит дело».

Словом, мы поужинали в городе, и в половине десятого вечера я поехал с ним в штаб главного командования вермахта. Я ждал его на улице, прячась в тени, пока минут через 20 Остер не вернулся и не сказал: «Стало быть, мой дорогой друг, это правда. Отменяющего приказа не поступило, эта свинья выехала на Западный фронт, теперь это уже действительно бесповоротно. Надеюсь, после войны мы увидимся...» и проч.

Разговор наш происходил на такой вот ноте, а затем я быстрым шагом направился в нашу дипломатическую миссию, куда предварительно вызвал бельгийского военного атташе. Он уже ждал меня там, и после того, как я поделился с ним информацией, он, в свою очередь, помчался в свою миссию, чтобы отправить сообщение. Я же снял трубку и позвонил в военное министерство в Гааге. Конечно же это были незабываемые мгновения, поскольку в те двадцать минут, что я ждал соединения, сердце обливало кровью. Минут через двадцать меня соединили, и у телефона оказался офицер, которого я, по счастью, хорошо знал, тогда лейтенант 1-го класса, а теперь капитан 1-го ранга Пост Уитвеер. С ним у меня состоялся разговор следующего содержания:

– Пост, вы узнаете мой голос, не так ли? Это Сас из Берлина. Я могу сказать вам лишь одно. Завтра рано на рассвете: ушки на макушке! Вы поняли меня? Повторите!

Он повторил и затем сказал:

– Итак, письмо 210.

Я подтвердил:

– Да, письмо 210.

Это был принятый нами в последний момент условный код, «письмо» означало вторжение, а две последние цифры – его дату. Итак, в этом случае письмо 210 было получено. Но на этом в тот день дело не кончилось, однако в любом случае мое сообщение получило ход. Примерно полчаса-час спустя после этого мне позвонил полковник ван де Пласше. (Полковник ван де Пласше был шефом отдела заграничной разведки.) Итак, он позвонил мне и сказал тоном, более или менее выражавшим сомнение:

– У меня такие дурные вести от вас о том, что вашей жене предстоит операция. Очень сожалею. Вы проконсультировались у всех врачей?

Отчего я, уже дважды скомпрометированный открытым разговором по телефонной линии, пришел в бешенство и, помимо всего прочего, заявил:

– Да, и я не понимаю, отчего вы в таких обстоятельствах еще и беспокоите меня. Я беседовал со всеми врачами. Операция состоится завтра на рассвете.

После чего я швырнул трубку...

Мое первое сообщение по телефону прошло в десять двадцать вечера по берлинскому времени, то есть без пяти девять по гаагскому. По второму разговору с полковником ван де Пласше у меня нет полной уверенности. Это могло быть и часом позже, в десять вечера по голландскому времени; а могло быть и в половине одиннадцатого.

На том моя роль военного атташе в Берлине была сыграна. Я исполнил свой долг. Я вернулся в свой отель, захватил зубную щетку и пижаму и отправился спать в дипломатическую миссию, поскольку посланник хотел, чтобы я больше не покидал представительство. На следующее утро в половине шестого в мою дверь забарабанил посланник: «Свершилось! Меня вызывает Риббентроп». И он уехал к Риббентропу, а мы стали крутить приемник. Тут мы услышали, что вторжение в самом разгаре...

Я оставался в дипломатической миссии. Через двое суток нас всех в ней полностью изолировали. К тому времени я уже уничтожил большую часть своего архива, а остатки его мы, то есть посланник и другие господа из дипломатической миссии, тщательно просмотрели в последний вечер перед нашим отъездом во Фридрихсхафен, чтобы запомнить наиболее важные вещи. Потому у меня теперь нет ни единой бумаги, которой я мог бы подкрепить справедливость своего рассказа. Но по прибытии в Швейцарию мы сделали краткие записи того, что произошло между 3-м и 10 мая. Во вторник вечером нас всем составом дипломатической миссии выслали в Фридрихсхафен, куда мы прибыли в среду и где ждали, когда нам разрешат перейти через швейцарскую границу. Ее мы пересекли у Романсгорна. Было это 20 мая...»

В 1933 году Геринг создал «Исследовательскую службу» и превратил ее в прекрасно слаженный аппарат, который с помощью многочисленного персонала успешно работал над расшифровкой радио-, телефонных и телеграфных переговоров. Особенно тщательно регистрировалась передача информации иностранными дипломатами. Входящие донесения всегда передавались абверу для анализа.

Днем позже полковник Пикенброк и адмирал Бюркнер (заграничная служба абвера) держали в руках донесение «Исследовательской службы», воспроизводившее удивительный разговор между Гаагой и Берлином.

Оба офицера, звавшие о хороших отношениях, существовавших между Остером и Сасом, сразу подумали об Остере как первоисточнике донесения о наступлении на Западе.

Это было необычайно неприятное открытие. Оба были одного мнения – Остер ни в коем случае не должен быть скомпрометирован...

Канарис прикрыл Остера, сказав, что он сам запустил информацию о наступлении на Западе как «дезу». Так дело осталось внутри абвера и не получило дальнейшего развития.

Канарис и Гейдрих

Как случилось, что фактам перехваченных радиogramм из Рима, подслушанных телефонных разговоров голландского полковника Саса с Гаагой, Гиммлером и СД не был дан ход, хотя РСХА было об этом информировано? Чтобы понять это, нам следует разобраться с личностью Гейдриха и его должностью в качестве руководителя Главного управления имперской безопасности (РСХА) и прояснить его личные отношения с ведомством Канариса.

Абвер – даже если поначалу и был скромным учреждением – был таким же старым, как и сам рейхсвер. При Гитлере он получал неконтролируемые средства для своего свободного развития. Гитлер же определил и сферу его деятельности и значительно расширил ее против прежнего. Одним из своих распоряжений он предоставил вермахту исключительное право проводить все представляющиеся необходимыми мероприятия, требующиеся для ликвидации шпионажа и саботажа, направленных против вооруженных сил рейха, находящихся на этапе строительства. Компетенция, по мнению абвера, выходила далеко за военные границы. Например, на промышленных предприятиях или в инстанциях исполнительной власти обучались так называемые уполномоченные абвера. Они работали на предприятиях по производству оружия, самолетов и т. п., чтобы на производственных местах налаживать защиту от шпионажа и диверсий. В результате этого сфера деятельности абвера стала почти всеохватывающей, а поскольку он пользовался расположением Гитлера, никто даже из функционеров партии не осмеливался крикитовать или обвинять его.

Мощным и отлаженным организмом был абвер уже тогда, когда Гиммлеру в 1936 году удалось сделаться начальником Германской имперской полиции. До этого момента существовали только полиции земель, например баварская, прусская и т. д. Сначала Гиммлер стал начальником баварской полиции, когда после 1933 года Дильса вызвали в Берлин для назначения на пост начальника прусской полиции. Но незадолго до путча Рёма Гиммлеру удалось прорваться в Пруссию и он стал – как и в других землях – начальником и прусской полиции. Была создана прусская тайная государственная полиция, в штат которой зачислили большой процент проверенных полицейских чиновников из Пруссии и других земель.

Только в июле 1936 года Гиммлер стал «начальником германской полиции в имперском министерстве внутренних дел» со следующими подразделениями: Главное управление полиции общественного порядка во главе с начальником Даулюге; Главное управление полиции безопасности во главе с Гейдрихом. Гиммлер теперь был в ранге государственного секретаря.

Гейдрих, этот честолюбивый и, без всякого сомнения, очень талантливый человек, постепенно из тайной государственной полиции создал полицейскую власть высшего ранга, которая в 1939 году была переименована в Главное управление имперской безопасности. С годами началось соперничество абвер – РСХА за сохранение или расширение компетенции.

При споре об интерпретации полномочий Гейдрих мог опираться на соглашение между военным министерством и министерством внутренних дел Пруссии от 1869 года.

К этому добавлялось еще кое-что. Издавна вооруженные силы или рейхсвер при проведении обысков в квартирах, арестах и всех уголовно-процессуальных мероприятиях прибегали к помощи полиции, поскольку сами не обладали исполнительной властью.

Оба этих факта образовывали отправную точку при переговорах о компетенции между Канарисом и Гейдрихом. Даже если у Канариса и была более выгодная позиция, нежели у Гейдриха, то имперское военное министерство настойчиво рекомендовало ему не ввязываться в конфликт с Гиммлером как начальником имперской полиции. Канарис охотно следовал этим пожеланиям.

Переговоры велись между Гейдрихом, доктором Бестом, с одной стороны, и Канарисом – с другой. Констатировалось, что они действуют в духе сотрудничества. Они пришли к некоему соглашению, названному его автором доктором Бестом «Десятью заповедями».

Сфера деятельности разграничивалась так, что за абвером сохранялись секретная служба по сбору информации, военный шпионаж. Также в его сферу входила военная контрразведка. За тайной государственной полицией признавалось право исключительной уголовно-процессуальной компетенции по делам, исходящим от абвера.

Этого соглашения, по многочисленным свидетельствам, среди них – одного бывшего члена узкого круга руководства абвера, Канарис никогда не придерживался. «Его ошибка состояла в том, что он нарушал договоренности с политической разведкой. Также из еще небольшого заграничного отделения он сделал огромное ведомство. Он говорил, что хочет быть информирован не политически, а «военно-политически».

В заграничном отделе сидел чиновник внешнеполитического ведомства для координации связи. Нарушения соглашения не оставались секретом для Гейдриха. Риббентроп также сильно обижался за это на Канариса, поскольку теперь скорее адмирал был в состоянии докладывать Гитлеру о политических настроениях за границей, нежели Гиммлер или министр иностранных дел.

Любопытно, что и между Герингом и Канарисом существовало соглашение. Канарис со всех донесений, которые он направлял Гитлеру, передавал копии Герингу. Если речь шла о важных и срочных донесениях, то их копии направлялись лично Герингу через одного майора абвера.

Перед началом польской кампании произошло следующее.

Канарис, видевший приближение войны и пытавшийся предотвратить ее, подготовил для Гитлера ряд донесений, которые недвусмысленно доказывали, что в ответ на вступление в Польшу следует ожидать объявления Англией и Францией войны Германии. Канарис передал эти донесения Гитлеру с пометкой особой важности. Геринг получил копии. Когда он прочитал их, то возмутился и добился издания приказа, запрещавшего Канарису передавать Гитлеру пораженческие донесения.

(Это свидетельство опровергает распространенную во множестве публикаций точку зрения, будто Геринг делал все, чтобы сохранить мир.)

Затем Канариса обязали передавать сведения в тайную государственную полицию о каждом новом завербованном агенте. От абвера шла напрямую пневматическая почта в гестапо. У Канариса также были шпики в гестапо; речь преимущественно шла о чиновниках, служивших в СА.

И в НСДАП у Канариса также были отличные связи с источниками, которые от Остера шли к графу Хельдорфу, начальнику полицейского управления Берлина, и к директору уголовной полиции Небе (РСХА). Потому он, несмотря на то что ему не подчинялась служба внутривнутриполитической разведки и надзора, был информирован подробнейшим образом.

У Канариса были и другие преимущества. У абвера имелась собственная паспортная служба. Правда, она должна была выдавать только паспорта и визы военным. Доверенные лица категорически исключались, они должны были связываться с полицейскими ведомствами или паспортным отделом министерства иностранных дел. Но и тут Канарис поступал по своему усмотрению. Многие информаторы получали свои паспорта и визы в абвере. И удостоверение об арийском происхождении можно было легко получить в абвере (даже с ведома Гиммлера).

А как Гейдрих относился к соглашениям?

Разумеется, ему хотелось бы больше знать о вермахте и подчинить себе его разведслужбу. Но в целом он чувствовал себя недостаточно сильным перед вермахтом, которому Гитлер явно отдавал предпочтение. Он строго придерживался соглашения. Потому он запре-

щал как службе безопасности, так и тайной государственной полиции любую разведывательную деятельность, пересекающуюся с интересами вермахта. Сотрудникам тайной государственной полиции, действовавшим вопреки запрету, грозили строгие дисциплинарные взыскания. Но, несмотря на это, Гейдрих получал сведения из вермахта. Ему поставляли отчеты национал-социалисты, призванные в армию члены СС и т. п. Он распорядился классифицировать их по карточкам и отложил до окончания войны.

Так германская военная разведка и контрразведка долгое время во время войны была государством в государстве. Она ощущала себя защищенной благорасположением Гитлера и чувствовала себя уверенно. Ни один сотрудник абвера не мог быть допрошен или арестован тайной государственной полицией.

С абвером в принципе ничего не могло случиться, даже тогда, когда партийным службам удавалось перехватывать подозрительную информацию, исходящую из недр абвера. Они были вынуждены передавать эти доклады абверу для обработки и расследования и не имели права дальше разрабатывать данное дело самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.